

VI. Рецензии

О.С. Поршнева, М.А. Фельдман

Поршнева Ольга Сергеевна – профессор кафедры истории России Института фундаментального образования Уральского федерального университета, доктор исторических наук, профессор.

Фельдман Михаил Аркадьевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор.

НЕВЗЯТАЯ ВЫСОТА. ЗАМЕТКИ О МОНОГРАФИИ³⁰

Публикация представляет собой рецензию на работу А.В. Горловского, посвященную политическим настроениям рабочих Петрограда в 1918-1920-х гг. По мнению авторов рецензии, задача изучения психологии рабочих Петрограда, обозначенная в заглавии работы, не была реализована. Монография отразила противоречивость методологической оснащённости историков уже ушедшей эпохи. Вынесённое в заголовок слово «психология» не нашло не только раскрытия в историческом контексте, но и определения своего значения. Вне структуризации остался и термин «политические настроения». Задача, поставленная автором монографии, оказалась декларированной, но не решенной.

Ключевые слова: Рабочие Петрограда; Русская революция; историческая психология.

Монография А.В. Гоголевского «Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918 – 1920 гг.» посвящена важной проблеме – исследованию политических настроений рабочих крупнейшего промышленного центра России, ставшего эпицентром революционных событий 1917 г.

---

³⁰ Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918 – 1920 гг. СПб: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2005. 219 с.

В первой главе «Рабочие Петрограда как субъект политических настроений» раскрывается масштаб воздействия Гражданской войны на промышленность Северной столицы: так в ведущей отрасли города, металлопромышленности, бездействовали от 77 % предприятий в апреле 1918 г. до 2/3 – к началу 1920 г. (1). Процессы, характерные для Петрограда, были свойственны, хотя и в меньшей степени, для советской России в целом, где в 1918 г. не работали 38% предприятий, в первом полугодии 1919 г. – 37%, во втором – 43 %, и в первом полугодии 1920 г. – 45 % (2).

Анализ документов Совета комиссаров Северной области позволил автору заключить: свертывание производства не сопровождалось массовыми увольнениями. Значительная часть увольняемых рабочих переходила на военные заводы. Для того чтобы сохранить работников, предприятиям по приказу сверху сокращались плановые задания и продолжительность рабочего дня. Для квалифицированных рабочих сохранялась возможность найти работу по специальности. Наибольшие трудности с трудоустройством возникали у малоквалифицированных работников (3).

В научной литературе общепризнан вывод о деклассировании значительной части рабочих в Советской России к 1921 г. Но, как подметил А.В. Гоголевский, нет полной ясности относительно того, что же собственно понимается под этим понятием и какова логика фактов, ведущая к деклассированию (4). В советской историографии было распространено мнение, согласно которому, причина утраты классовообразующих признаков для рабочих крылась в экономической разрухе и свертывании производства. Автор называет еще одну причину деклассирования – приход несобученных пополнений (5).

А.В. Гоголевский обращает внимание на утверждения, содержащиеся в документах Петроградского комитета меньшевиков о том, что «костяк питерского пролетариата рассыпался в прах», а большевиков поддерживали «деклассированные, не занятые трудом и живущие на иждивении у государства рабочие» (6). Любопытно, что близкие к этому оценки встречались и у В.И. Ленина, неоднократно признававшего: «поскольку разрушена крупная промышленность, поскольку заводы и фабрики встали, пролетариат исчез» (7).

В этой части монографии читатель ожидал появления развернутого анализа статистики, дающего аргументированный ответ на поставленный вопрос о масштабах деклассирования; и прежде всего – какая же часть квалифицированных рабочих все-таки оставалась на предприятиях в годы Гражданской войны. Однако такой материал в монографии отсутствует, оставляя без комментария и оценки меньшевиков, и ленинские слова.

Прояснить ситуацию с «крахом пролетариата» должна была глава о взаимосвязи социальных условий и жизненных настроений. Отметив, что по мере разрушения товарно-денежных отношений удельный вес заработной платы в бюджете рабочих неуклонно сокращался (8), А.В. Гоголевский подчеркивает: стало правилом массовое изготовление рабочими в цехах, либо вне предприятия (нередко в частных мастерских), поделок (ходовых рыночных материалов) на продажу (9). И вновь подобное, бесспорное в принципе, утверждение не опирается ни на макро-, ни на микроисследования. Вывод о деклассировании рабочих, проявившемся, по определению автора, как тенденция в 1918 г., и широко распространившимся в 1920 г. (10), к сожалению, становится умозрительным.

В монографии предпринята попытка рассмотрения социального состава рабочих промышленности Петрограда, но приведенные варианты структуризации мало чем отличаются от существовавших десятилетиями в советской историографии. Относительно новым моментом можно считать утверждение А.В. Гоголевского о том, что и в Петрограде основную, подавляющую массу рабочих составляли крестьяне, связанные с землей (11).

В такой ситуации в монографии основным критерием деления рабочих на социальные группы фактически стала степень восприятия политических идей. Можно допустить, указывает автор, что наименее склонными к восприятию политических идей и общественно-политической деятельности объективно оказались рабочие Питера, сохранившие связь с землей. (По данным Всероссийской промышленной переписи 1918 г. 10,8 % рабочих Петрограда располагали землей как источником дохода). Следовательно, априори делает вывод А.В. Гоголевский, что именно эта часть рабочих объективно относилась к наименее развитым слоям (12). Между тем, из монографии становится понятным, что речь идет о восприятии большевистской агитации, а не политических идей вообще.

К столь же «маловосприимчивым» рабочим автор относит следующие слои рабочих: слой чернорабочих – (почти 28% процентов от всех рабочих); слой женщин-работниц, насчитывающий к 1921 г. 43,8 % состава рабочих Петрограда); пополнения в порядке трудовых мобилизаций и повинностей (13). Однако обратим внимание на то, что автором названы *неоднородные* социальная, профессиональная, гендерная группы. Что касается «пополнений», то судя по тексту, эта категория временно объединила представителей самых различных слоев. Связь же названных групп с восприятием политических идей, к сожалению, в монографии только декларирована.

Стремясь оперировать конкретным материалом, автор обращается к вопросу о партийности рабочих, обоснованно отмечая: одним из показателей политизации рабочего класса было его членство в правящей большевистской партии. В 1919 г. удельный вес коммунистов среди промышленных рабочих в Петрограде составил 2,5 %. Немногим он отличался и в 1920 г.: 2 % (по 24 предприятиям) (14). По мнению членов Петроградского комитета партии большевиков, это был «критически тонкий слой пролетариата» (15).

Но какая социальная группа внутри рабочего социума была наиболее представлена среди рабочих-партийцев? И этот вопрос в монографии остается без ответа. Ценное наблюдение о соотношении рабочих-коммунистов у станка и в советских учреждениях (осенью 1918 г. оно составляло, соответственно, 47 % и 53%) (16) оказывается вырванным из исторической динамики за 1917–19 гг. Между тем, именно этот материал мог выявить активность поддержки рабочими советского государства в различные периоды Гражданской войны.

Вне логической связи в монографии содержатся сведения о наличии 1535 рабочих, занятых в Советах и различного рода учреждениях, осенью 1918 г. (в том числе, 540 рабочих – непосредственно на депутатской работе в Советах) (17) и 4970 – в январе 1920 г. (18) Что означал такой рост рабочей прослойки в управленческом аппарате Петрограда? Усиление реального влияния рабочих или чисто количественный рост управленцев? Что из себя представляла в социальном плане группа рабочих-депутатов Советов? Чем она отличалась от основной массы рабочих? Каковой оказалась судьба рабочих-депутатов? К сожалению, эти вопросы звучат риторически.

Согласно материалам Всероссийской промышленной переписи 1918 г., удельный вес петроградских рабочих, занятых в государственных и общественных учреждениях, равнялся 4,9% (19). Логичным было бы сравнение этого показателя с аналогичными в губерниях России. По данным профессиональной переписи августа 1918 г., доля занятых в общественном управлении составляла в Ярославской губернии – 3,2 %, в Иваново-Вознесенской – 1,5 %, в Тульской – 2 %. На Урале (материалы были представлены только по Вятской губернии) этот показатель составил 4 % (20). Характерно, что к концу Гражданской войны показатель удельного веса рабочих Вятской губернии, покинувших производство и работавших в различных управленческих структурах, составляет также 4 % (21). Таким образом, можно допустить, что, по крайней мере, 4 % рабочих промышленности России (т.е. порядка 120 тыс. человек) покинули трудовые коллективы и влились в управленческую элиту *всех уровней* советского общества в первые годы советской власти.

Как пишет А.В. Гоголевский, наибольшую склонность к общественно-политической деятельности проявляли в первую очередь квалифицированные рабочие, имевшие существенный производственный стаж. Однако по данным монографии, среди рабочих, проявивших подобную активность, квалифицированные рабочие составляли только 43,5 % (22), *т.е. меньшинство*. Факт, заметим, весьма показательный и оставшийся вне оценки в исторической литературе.

По утверждению автора, в годы Гражданской войны формирование массовых настроений на заводах и фабриках Петрограда происходило, прежде всего, вокруг распределения продовольствия. Источники обеспечения фабрично-заводских предприятий продовольствием были весьма разнообразны, и включали различные виды пайков (23); самостоятельные закупки продуктов предприятиями, включавшие оплату предприятиями разницу нормированных и рыночных цен (24). Можно отчасти согласиться с автором, что, гарантируя рабочим выживание, государство фактически «прикрепляло» их к предприятию (25), но это утверждение не учитывает реального социального деления рабочих на лиц, имевших и не имевших земельные участки, включая огороды, сохранивших связь с деревней, и чистых пролетариев.

Ограниченность возможностей властных органов показывает такой факт: если для поддержания жизни рабочего требовался пайк энергоемкостью не менее 2300 калорий, а для работы высокой интенсивности – 3600 калорий, то фактически же по карточкам рабочий в среднем, (включая обеды в столовых), получал в 1918 г. суточный пайк энергоемкостью 646,9 калорий; в 1919 г. – 1393,9 калорий, в 1920 г. – 1577, 2 калорий (26). Справедливости ради надо отметить возрастание энергоемкости суточного пайка рабочих на протяжении 1918-1920 гг. В сочетании с системой особых (бронированных, красноармейских и др.) пайков (27) это вело к появлению (прежде всего на военных заводах), по сути, привилегированного слоя рабочих, к тому же в большей степени зависимого от властных структур.

Монография со ссылкой на материалы большевистских партийных комитетов и официальную печать указывает, что трудности с продовольствием вызывали у многих рабочих чувство отчаяния, скептицизма, неверие в возможность властей исправить положение (28).

Глава, посвященная взаимоотношениям рабочих и политических партий предполагала анализ: какие слои рабочих оказали наибольшую поддержку большевикам, *добровольно* вступая в ряды РКП (б) и Красной армии? Сколь масштабным оказался слой рабочих-выдвиженцев в советский и партийный аппараты на протяжении 1918–1920 гг.? Какая часть из них очутилась в низовом, среднем и высшем звене управленцев? Не менее важно: сколь долгим оказался срок пребывания рабочих в

среде «начальников»? Если данные о представительстве коммунистов в рабочем социуме читатель почему-то находит в первой главе, то ответа на остальные вопросы в главе нет.

Автор в описательной манере упоминает об агитационных методах работы большевистской партии среди рабочих вне научного анализа эффективности проведенных мероприятий. В силу этого, интересное замечание – «нельзя утверждать, что политическая агитация приводила к принятию большевистских резолюций на собраниях и митингах. Судя по характеру и стилю, они готовились в большевистских партийных организациях и затем продавливались в кругу рабочих, привязанных к своим предприятиям, обеспечивавшим хотя бы полуголодное существование» (29) – не опирается на систему доказательств.

Более основательной выглядит четвертая глава «Меньшевики и эсеры в рабочей среде». В монографии доказано, что в Питере существовал массив рабочих, поддерживающих в 1918 – 1920 гг. меньшевиков и эсеров (30).

К весне 1918 г. на базе голода произошло усиление влияния социалистов в Петрограде. Ставка меньшевиков была сделана на Собрание уполномоченных – беспартийную массовую рабочую организацию – в Петрограде и в других промышленных центрах (31). Наиболее прочные позиции меньшевики имели в профсоюз печатников (32). Но что же отличало рабочих этого профсоюза? Какие слои рабочих поддерживали меньшевиков? Автор отмечает: выборы в июне 1918 г. в Петроградский Совет принесли весомый успех меньшевикам и эсерам на ряде крупных предприятий – Обуховском и Путиловском заводах, «Арсенале» (33). Так, из 30 избранных на Путиловском заводе депутатов 19 оказались на платформе меньшевиков и эсеров. Всего же в Петроградский Совет было избрано 46 депутатов – представителей меньшевиков и эсеров (34). Только ли антибольшевистская агитация была тому причиной, или сказались особенности социального состава рабочих указанных предприятий (35), традиции политических пристрастий? Эти вопросы остаются без ответа.

В монографии убедительно показано, что вытеснение меньшевиков и эсеров из политической жизни страны произошло недемократическим путем. Большевики, оппонировавшие социалистам, выставляли себя защитниками Советов, а меньшевиков и эсеров представляли как противников советской системы (36). После 6 июля 1918 г., в условиях закрытия свободной печати и окончательной монополизации власти большевиками, меньшевики и эсеры действовали на предприятиях Петрограда фактически нелегально. Тем не менее, социалисты продолжали политическую агитацию среди рабочих. Против них действовал разраставшийся репрессивный аппарат власти. Препятствовал и внедрявшийся

большевиками на предприятиях политический контроль. Содействовали же провалы в экономической политике властей, рост бедствий и нужды рабочих (37).

Во второй половине 1918 г. большевики вытеснили меньшевиков и эсеров из последнего легального прибежища в рабочей среде Петрограда – правления Союза печатников. Таким образом, с разгромом неподцензурной печати и ликвидации свободных профсоюзов какая-либо легальная борьба социалистических партий с большевиками за рабочих стала невозможной (38).

После арестов меньшевиков и эсеров в марте 1919 г. их политическая работа на предприятиях Петрограда фактически прекратилась. Оставшиеся на свободе социалисты ушли в глубокое подполье (39).

Тем не менее, в марте и в июле 1919 г. состоялись забастовки на предприятиях Петрограда. Так в июле бастовали 28 предприятий, на которых работали до 50 тыс. рабочих. Важное значение имеет наблюдение А.В. Гоголевского: среди инициаторов забастовки оказались те предприятия, где меньшевики и эсеры имели в 1917–1918 гг. сильные позиции: Невский завод, Обуховский, «Новый Леснер» (40). Собственно говоря, наблюдение А.В. Гоголевского дает понимание соотношению субъективных и объективных факторов, влиявших на формирование политических пристрастий рабочих.

Тем неожиданнее звучит в Заключении вывод автора: в целом в 1919 – 1918 гг. петроградские рабочие стремились избегать политики и занимались выживанием (41). В целом, слабость статистической базы обусловила не только отсутствие какой-то динамики исследуемого процесса за 1918-1920 гг., но и фундированность общих выводов о политических настроениях рабочих. Только мельком, вне анализа, автор упоминает о степени аналитики рабочей политики большевистской партии: так, в мае 1918 г. Петроградский комитет РКП (б) волнения рабочих на Путиловском заводе объяснил только «небрежностью в ведении политической агитации» (42).

Рассмотрение психологии рабочих, заявленное в заглавии монографии, не тождественно характеристике их политических настроений. Социальная психология общественного слоя или группы – сложное явление, включающее как динамические компоненты (настроения, вкусы, интересы), так и более устойчивые, статические (особенности психического склада, самосознания, менталитета), проявляющиеся в поведении людей. Это более широкое понятие, чем собственно настроения, хотя в смене настроений, характерных психических реакций на события и порождаемых ими массовых моделях поведения можно разглядеть устойчивые и типические черты психологии того или иного общественного слоя. Однако это требует сравнительного анализа, сопоставления

актуальных психических реакций и установок восприятия рабочих с существовавшими на протяжении более длительного исторического периода социально-психологическими явлениями в их среде. Отсутствие такого сопоставления и анализа обусловило недостаточно глубокий уровень рассмотрения А.В. Гоголевским ряда сюжетов. Так, рассматривая феномен взаимосвязи жизненных условий и социальных настроений, автор объясняет повальное воровство и хищения рабочих на предприятиях ситуацией голода, недостаточностью заработка для обеспечения полноценного потребления, а также «складывавшимся хозяйственным механизмом, формировавшим соответствующий менталитет» (43). Данную трактовку автор противопоставляет распространенному среди части большевистского руководства поверхностному толкованию этого явления как следствия низкой сознательности рабочих. Однако, как показывают материалы, относящиеся к концу XIX – началу XX вв., позднейшему периоду буржуазной модернизации, значительная часть рабочих России традиционно считала воровство на предприятиях дополнительным источником средств к жизни в условиях несправедливого распределения общественного богатства (44). Воровство оставалось до революции достаточно обыденным явлением, а в ситуации резкого ухудшения условий существования в период Гражданской войны, балансирования рабочих на грани голода традиционные способы выживания были актуализированы, востребованы самой жизнью, получив еще большее распространение. Это стало возможным также благодаря декларированию большевистским руководством советского государства его пролетарской природы, мягкому отношению к хищениям рабочих со стороны советских и профсоюзных органов, о чем пишет и сам А.В. Гоголевский (45).

Другой сюжет, требовавший рассмотрения в более широком историческом и теоретическом контексте, – отношение рабочих к труду, причины резкого падения дисциплины и производительности труда в 1918 – 1920-м гг. И здесь автор вновь, пытаясь противостоять поверхностным объяснениям этих явлений как порожденных низкой сознательностью и мелкобуржуазными пережитками в психологии рабочих, распространенным в то время, выдвигает идеи о забвении большевиками объективных экономических законов, попрании личного интереса работников в результатах труда (46). Эти положения, новые для историографии конца 1980-х гг., сегодня кажутся совершенно недостаточными для понимания отношения рабочих к труду в годы Гражданской войны и его роли в выявлении тенденций эволюции психологических характеристик рабочих в новых социально-политических условиях. Исследования мотивации труда в российской промышленности, проведенные отечественными и зарубежными учеными в рамках совместного

научного проекта в конце 1990-х гг., показали действие в дореволюционной России трех компонентов мотивации труда рабочих: побуждение (нематериальные стимулы), вознаграждение и принуждение (47). Исследователи подчеркивали чрезвычайную устойчивость и значимость этих трех компонентов мотивации труда, характеризовали их структуру (48). Факты, приводимые А.В. Гоголевским, дают возможность увидеть и разрушение большевиками традиционной системы мотивации рабочего труда, и их попытки наполнить ее новым содержанием, и недооценку материального стимулирования, и понимание самими рабочими важности всех стимулов к труду (так, некоторые из них отмечали негативные последствия исчезновения хозяйской «палки», различий в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда) (49). Распределение продовольственных пайков через предприятия было в условиях уравниловки одной из форм принуждения к труду. Однако сам А.В. Гоголевский в данном ключе проблему не рассматривает, не учитывает достижения историографии в ее изучении, что странно для работы, вышедшей в 2005 г. Это не позволяет автору выявить и дифференцировать устойчивые и новые черты психологии и настроений рабочих в условиях военного коммунизма. При рассмотрении пагубных последствий введения повременной оплаты труда, уравниловки в оценке его результатов, автор также обходит стороной проблему глубинных причин массовой поддержки рабочими их введения, в частности, воздействия на их психологию трансформированных установок традиционного крестьянского менталитета.

Нам представляется, что заявка автора на рассмотрение психологии рабочих Петрограда, обозначенная в заглавии работы, не была реализована.

В целом, монография по признанию самого автора, подготовленная к печати в конце 1980-х гг. (50), отражает всю противоречивую методологическую оснащенность историков уже ушедшей эпохи. Эпохе причисления высокооплачиваемых рабочих к категории «рабочей аристократии», а последней – к оппортунистам, отсталым в политическом плане слоям (51): непомерного преувеличения роли политической агитации; рассмотрения рабочих только как объекта исторического процесса. Вынесенное в заголовок слово «психология» не нашло не только раскрытия в историческом контексте, но и определения своего значения. Вне структуризации остался и термин «политические настроения». Задача, поставленная автором, оказалась декларированной, но не решенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918 – 1920 гг. СПб, 2005. С. 5.
2. Там же. С. 6.
3. Там же. С. 7 – 9.
4. Там же. С. 9.
5. Там же. С. 9 – 10.
6. Там же. С. 12.
7. Там же. С. 18.
8. Там же. С. 14.
9. Там же. С. 15.
10. Там же. С. 17.
11. Там же. С. 20.
12. Там же. С. 36
13. Там же. С. 36 –37.
14. Там же. С. 31–32.
15. Там же. С. 30.
16. Подсч. по: Там же. С. 30.
17. Там же.
18. Там же. С. 31.
19. Там же. С. 42.
20. Дробинжев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры, М. 1975. С. 108, 147.
21. Подсчитано по: Ляхман А.И. Во имя революции. Рабочие Вятской губернии в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.). Киров, 1981, С. 7, 12.
22. Там же. То, что среди рабочих-активистов лица с производственным стажем составляли 50,4% не меняет сказанного – длительный стаж мог быть и у малоквалифицированных рабочих.
23. Там же. С. 56.
24. Там же. С. 60, 62.
25. Там же. С. 64.
26. Там же. С. 57.
27. Там же. С. 56–57.
28. Там же. С. 54.
29. Там же. С. 102.
30. Там же. С. 126.
31. Там же. С. 130.
32. Там же. С. 131.
33. Там же. С. 138.
34. Там же. С. 140.
35. О специфике социальной психологии рабочих Обуховского завода говорится мельком и вне связи с предприятиями военной промышленности – Там же. С.40– 41.
36. Там же. С. 142.
37. Там же.
38. Там же. С. 143.
39. Там же. С. 153.
40. Там же. С. 154.
41. Там же. С. 217.
42. Там же. С. 101.
43. Там же. С. 77.
44. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 130-131.
45. Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 75-76.
46. Там же. С. 194.

47. См.: Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 206-216.
48. Там же. С. 211-216; Авторы рассматривали, в частности, воровство в качестве одного из компонентов «невидимых заработков» – одну из трех категорий системы вознаграждения за труд; см.: Там же. С. 212.
49. Гоголевский А.В. Указ. соч. С. 163-194.
50. Там же. С. 3.
51. Там же. С. 40.

Olga S. Porshneva, Mikhail A. Feldman
Highest peaks. NOTES ON THE MONOGRAPH

The publication is a review of the work of AV Gorlovsky dedicated political mood of the workers of Petrograd in 1918-1920 -s. According to the authors of the review , the task of studying the psychology of the Petrograd workers , indicated by the title , was not implemented . Monograph reflected contradictory methodological equipment historians already bygone era. The heading of the word "psychology" is not found not only in the historical context of disclosure , but also determine its value . Remained outside the structuring and the term " political mood ". The task assigned to the author of the monograph , was declared , but not solved.

Keywords: workers of Petrograd ; The Russian Revolution ; historical psychology .